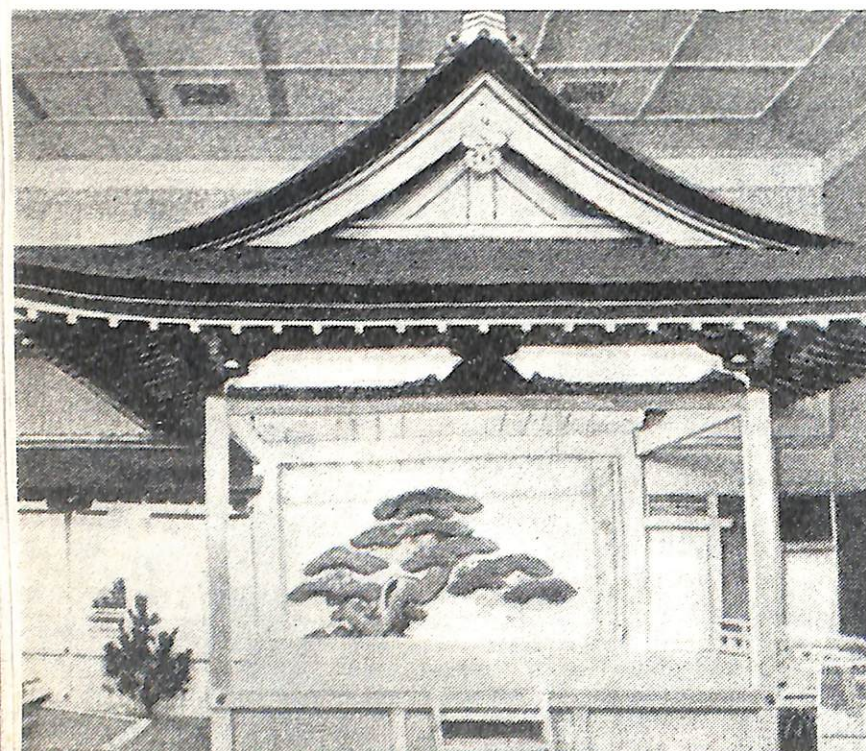

СТАРЕЙШИМ театром Японии считается «Но». Он выросал постепенно из древних форм религиозного ритуала, влившись окончательно в театральные рамки только в XVI веке, как и театр Кабуки. Но если репертуар Кабуки базируется на фактах истории, то «Но» воплощает неподвижную древность мистического характера. В сказочной нереальности его трагедий выступают, как правило, в роли героя или героини выходцы с того света.

Впечатление потусторонних настроений усиливается сохранившимися по сей день условностями и масками — непременными аксессуарами трагедий «Но».

Маски, в которых выступают главные действующие лица, представляют собой музейную редкость и приравниваются к шедеврам мирового искусства. Коллекции масок «Но» не уступают и его старинные парчовые и шелковые костюмы, дошедшие до наших дней с XVI века. Они облачают артиста драгоценным коконом с головы до пят, лишая его свободы движений и стилизируя его кукольный жест. Самое незаметное движение руки сопровождается движением ноги и имеет символическое значение. Так, шаг или два вперед выражают сильное возбуждение, восторг; два шага назад — разочарование, отчаяние и т. д. Неизменный театральный оркестр с туманно-печальными звуками солирующей флейты, резкий удар барабана и фальцет актера, который срывается на высокой ноте, напоминающей звон разбитого стекла, натягивают до предела нервы слушателя, вызывая у него давно позабытые ощущения детских страхов и жути.

Среди персонажей постоянно фигурируют оборотни, двойники, привидения и разная нечисть. Все трагедии «Но» проникнуты захватывающей тоской и безысходностью. Впечатление таинственности усиливается скользкой поступью актера, плывущего по отполированному, зеркальному полу так, словно он движим какой-то неведомой силой. Актер не отрывает от пола ступней, и вокруг его ног волнообразно извивается светлая подкладка одежды.

Сцена в театре «Но» квадратная, точно балкон с перилами на четырех столбах, с отводным мостом, ведущим над головами зрителей в смежное помещение; отсюда на сцену выходят артисты. Сцена видна зрителю с трех сторон. Декораций почти нет, если не считать символической бутафории и ширмы. Характерна четырехугольная ограда из жердочек, в центре которой стоит сосновая ветка или низкорослая сосна.

Труппа «Но» обычно возглавляется домом выдающегося артиста-учителя. Особенно знаменит «дом Умевака», представляющий собой, как и труппа Кабуки, одну школу-семью, где отцы и дети — родные не только по крови, но и по сценическому таланту.

Актер театра «Но» перед выходом на сцену.

Сцена театра «Но».

ЯПОНСКИЙ ТЕАТР

Маска театра «Но».

Пользующиеся особым покровительством дворцовой знати, артисты «Но» еще больше, чем труппа Кабуки, оторваны от жизни народа. Эта изоляция, естественно, содействовала возникновению в народных массах различных толков и легенд, с веками облекших театр «Но» в таинственные покровы неведомого мира. В народе, например, утверждают, что актер, исполняющий роль жертвы, сыграв ее известное количество раз, умирает, и на него смотрят как на героя, идущего на смерть во имя искусства.

Обычно после двух трагедий в программу «Но» вводится короткая комедия, или фарс, — «Кёген». Представляя собой полный контраст трагической мистике, эти комедии смешат зрителей своим залихватским, чисто народным юмором. Здесь герои выходят без масок, в простых повседневных костюмах: шелк и парча сменяются на домотканый холст. «Кёген» бывают подчас острой сатирой на общественные пороки. В них высмеиваются жадность и невежество даймё — феодального князя, распущенность монаха-развратника, взяточничество чиновников. Все это приправлено едкими, далеко не всегда цензурными словами и остротами, никогда не переходящими, однако, в прямую вульгарность.

«Кёген» обычно построены в форме диалогов, где, например, крестьянин — деревенский простофиля — своими наивными вопросами ставит в тупик вельможу. Характерная фигура фарса — «мукодоно» — зять или сваха.

В популярнейшей комедии «Донтаро» изображается любовный треугольник. Ревность и легкомыслие его героев забавно переплетаются, создавая комический эффект.

Другой характерной пьеской этого типа является «Босибари». Здесь две служанки с руками, связанными в наказание хозяином, умудряются остроумно одурачить его.

Отражая текущие события и критикуя современные общественные недостатки, «Кёген» несравненно подвижнее трагедий «Но», которые застыли в вечности.

«НО-ГАКУ-ДО»

ИЗ СОВРЕМЕННОГО ПЕРСИДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

РУБАИ

Да будет проклят тот, кто гонит в бой солдат!..
Прощай, любимый мой, вернешься ль ты назад?
Мне страшно за тебя. Слепла я от слез.
Идут солдаты вдаль... Идут за рядом ряд...

* * *

Я нищ, я разорен, не знать мне счастья впредь.
Сверкал я, как алмаз, — стал тусклым, словно медь.
Лохмотьями висит проклятая рубаха,
А новую теперь едва ли мне надеть...

* * *

Кто любит, тот собой пожертвовать готов.
Что значит для него зловещий звон оков?
Влюбленный — точно волк: его не устроят
Ни злобный лай собак, ни ружья пастухов.

* * *

Я сердце отдал ей. Без сердца стынет грудь.
Всевышний, облегчи мой долгий, трудный путь,
Вернуться помоги к возлюбленной моей,
Дай снова на заре в глаза ее взглянуть.

* * *

Как весенним самшитом, люблюсь я станом твоим.
Приникаю к губам, бесконечною жаждой томим.
Эти губы — как Мекка, а я — правоверный хаджи,
И чем ближе они, тем скорее я стану святым.

* * *

О чем тоскуешь ты, когда Шираз в тиши?
Томит меня, как зной, печаль твоей души.
Любимая, всю боль хочу я взять себе,
Мне легче будет так — ты только разреши.

* * *

В вечерней тишине, едва потух закат,
Сама впустила ты грабителя в свой сад...
Проснется солнце вновь, но сорван вешний цвет,
И молодость ушла — не жди ее назад.

* * *

Хочу тебя женой назвать. Что скажешь ты в ответ?
В который раз гадает мать, что скажешь ты в ответ.
Тебе я завтра подарю красивое кольцо,
И будет незачем гадать, что скажешь ты в ответ.

Перевел с персидского
Яков Серпин